

языковой картине мира. – Киев, 2003.

7. Понятийное поле «некрасивого»// Федосеева А. С. – 1970.

ШЕСТОЕ ДЕЙСТВИЕ «ЧАЙКИ»

А. Шавель

«Я отомстил за тебя, бедная чайка!»

Борис Акунин «Чайка»

Борис Зингерман: «Чайка» – самая трудная и трепетная из пьес Чехова. Оспаривая тех, кто предпочитает ей «Дядю Ваню», «Три сестры» и «Вишневый сад», Бунин, горячась, утверждает: «лучшая «Чайка», единственная» [2, с.338].

З Паперный: «Можно сказать, что «Чайка состоит не из четырёх, но из пяти действий: есть ещё дополнительное, обозначенное одной ремаркой действие между третьим и четвёртым. Оно-то особенно насыщено событиями: в течение его Нина сходится с Тригориным, у неё рождается и умирает ребёнок; она становится актрисой. Тригорин, разлюбив её, возвращается к Аркадиной; Маша без любви выходит за учителя, у них рождается ребёнок; Треплев становится сравнительно известным литератором» [3, с.149–150].

Как нам кажется, в этих двух цитатах в изящно зашифрованной форме содержится ответ на вопрос: почему рано или поздно должна была появиться пьеса Бориса Акунина – римейк-сиквел «Чайка». В современной русской литературе – это далеко не первая пьеса, построенная на переосмыслении чеховских образов и чеховского сюжета. Чеховский код прочитывается в таких драматических произведениях, как «Три девушки в голубом» Л. Петрушевской, «Цапля» В. Аксёнова, «Вишнёвый садик» А. Слаповского, «Чайка спела» Н. Коляды, «Поспели вишни в саду у дяди Вани» В. Забалуева и А. Зензинова и во многих других пьесах. Подход к чеховскому материалу у всех авторов различен: кто-то ограничивается аллюзиями на текст классика, кто-то в ироничном ключе пересказывает сюжет «Чайки» либо «Трёх сестёр», кто-то строит систему персонажей, контаминируя и переосмысляя чеховские образы. Кроме того, «Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры» и «Вишнёвый сад» являются благодатной почвой для любого постмодернистского писателя; эти пьесы обладают необходимой для игры с текстом узнаваемостью, знаковостью и некой кажущейся незавершённостью, ликвидировать которую, кажется, так просто.

Зензинов и Забалуев в своей постмодернистской пьесе (или пьесах) попробовали продолжить «Вишнёвый сад» и «Дядю Ваню» и было бы, странно, если бы никто не попытался «закрыть» открытый финал «Чайки».

Уже упоминавшийся исследователь Борис Зингерман [с.338] считает «Чайку» самой безрассудной и безыскусной пьесой Чехова, обладающей тем не менее всемирно-историческим значением. Драматические произведения, появившиеся после «Чайки», построены более умело и осмысленно. «Дядя Ваня», переделанный из «Лешего», ближе стоит к старой, испытанной театральной традиции. «Три сестры» написаны с расчётом на артистов и режиссёров Художественного театра. «Вишнёвый сад», выходящий из границ искусства раннего Художественного театра, создан рукой гениального виртуоза, чуть ли не весело смотрящего в близкое лицо смерти. А «Чайка», как начиналась с «комедии, трёх женских ролей, шести мужских, четырёх актов, пейзажа (вида на озеро); многих разговоров о литературе, недостаточного количества действия и пяти пудов любви» [с.129], так и осталась в истории литературы и театра вечной несобранной мозаикой, из частей которой режиссёр либо другой писатель может с относительной лёгкостью построить свою собственную интерпретацию. На сцене Белорусского Академического театра имени Янки Купалы уже несколько лет идёт пластический спектакль «Больше, чем дождь» (реж. Павел Адамчиков), и «Чайка» оживает в нём без текста, в хореографических миниатюрах. Какой ещё драматург может похвастаться тем, что его пьесы узнаются даже без текста, и это при том, что литературный род драмы реализуется, как правило, в сплошном диалоге. Повод для создания этого пластического спектакля, так же, как и повод для написания «Чайки» Бориса Акунина, содержится, на мой взгляд, в самом чеховском тексте.

Известный, в основном, как автор детективных романов, Борис Акунин увидел в финале «Чайки» Чехова детективный потенциал. Но кроме этого, его намётанный глаз профессионального писателя выхватил из чеховской пьесы также и «несуществующее 5-е действие», о котором писал З. Паперный. В пьесе Чехова «пятому действию» места не нашлось, но все яркие события, определяющие судьбу героев, произошли именно там, в действии-невидимке. Акунин, по сути дела, пишет продолжение этого самого «фантомного действия». В его «шестом действии», или сиквеле, как более правильно будет назвать «Чайку» Б.Акунина, чеховские герои становятся проще, понятнее, открыто говорят о своих чувствах, объясняют мотивы собственных поступков, а главное, они действуют.

Далее. Борис Акунин видит авторское определение «Чайки» – комедия. Немало споров в литературоведении порождал этот заведомо неверный авторский подзаголовок. А Акунин пишет именно чистую комедию, и поэтому его «Чайка» – не только сиквел (продолжение), но и римейк: автор переносит классических героев из привычной им жанровой неоп-

ределённости в стихию чистой комедии, которая развивается по комедийным законам, доводящим ситуацию до абсурда.

И ещё одно: пьесу Акунина можно даже назвать реализованной в художественной форме критической заметкой о «Чайке». Общим местом считается положение о том, что в чеховских текстах нет разделения на главных и второстепенных героев, однако режиссёры продолжают ставить в центр своих постановок Нину, Треплева, Тригорина и Аркадину – людей, принадлежащих к творческим профессиям и потому, ведущих себя более ярко, демонстративно. Микросюжеты этих героев реализовать на сцене проще всего: актрисы Аркадина и Заречная уже по долгу своей профессии достаточно колоритны, а литературная дискуссия новаторов и традиционалистов, представленная в линии Треплева и Тригорина будет актуальна во все времена. Эта четвёрка «творческих» персонажей связана и неким общим микросюжетом, которого вполне достаточно для построения спектакля. Кроме того, есть ещё и законы сцены, которые «не пускают» на первый план сразу 10 героев. Но ведь одна из причин, почему Чехов считается основателем «новой драмы», – это то, что у него нет фоновых персонажей. И тут Акунин блестяще реализовывает замысел Чехова. Второе действие своей двухактной комедии современный автор строит из 8 дублей, в каждом из которых микросюжет какого-либо героя выходит на первый план и становится главным. При этом, характеры героев статичны: Аркадина требует к себе повышенного внимания во всех дублях, Дорн всё время циничен и прямолинеен, Медведенко же постоянен в своём самоуничижении. Как и положено в комедии, в акунинской «Чайке» перед нами – галерея литературных типов либо же актёрских амплуа: эксцентричная звезда (Аркадина), прославленный писатель (Тригорин), нелюбимая (Маша) и, конечно же, сыщик-аналитик, в совершенстве владеющий дедуктивным методом (доктор Дорн, при помощи которого Акунин перебрасывает мостик интертекстуальности к своим романам о приключениях Эраста Фандорина). Неужели это чеховские герои? Вряд ли. Более всего действующие лица акунинской «Чайки» похожи на галерею масок, у которых от чеховских героев остались лишь имена.

Акунин в данном случае выступает как писатель-постмодернист, одновременно играющий с чужим текстом и создающий свой собственный. В «Чайке» Чехова, где « пять пудов любви » фактически уравниваются с «разговорами о литературе», у каждого героя есть свой микросюжет, переживаемый персонажем как на сцене, так и во внесценическом пространстве. Например, у Маши – это безответная любовь к Треплеву, у Соруна – нежелание стареть и умирать в скучной деревне, у Медведенко – его нищета и любовь к Маше. Параллельно с этими реальными мик-

росюжетами существуют также и воображаемо-литературные сюжеты «Чайки». В пьесе целых два героя – писатели. Один – Треплев – берёт сюжеты из области отвлечённых идей (пьеса о Мировой душе), другой – Тригорин – из жизни («сюжет для небольшого рассказа» рождается у него во время знакомства с Ниной). Окружающие писателей герои предлагают им в качестве литературного материала и свои сюжеты – как реальные, так и вымышленные. Маша предлагает Тригорину воспользоваться её историей как сюжетом, примерно то же самое после провала пьесы Треплева произносит и Медведенко, предлагая описать в пьесе жизнь учителя. А Сорин и вовсе продумывает целую автобиографическую повесть и даже даёт ей название: «Человек, который хотел». Не будем забывать, что данный персонаж также в своё время мечтал стать литератором. Шамраев, который к творчеству никакого отношения не имеет, предлагает свои сюжеты: 2 забавных анекдота, случаи из жизни. Нина Заречная не является «автором» какого-либо оригинального сюжета, но зато она – главный персонаж пьесы Треплева и «небольшого рассказа» Тригорина. Так, все герои «Чайки» Чехова живут одновременно в трёх мирах или пространствах. Они существуют в пространстве усадьбы Аркадиной: любят, страдают, мучают друг друга. Одновременно они же – обитатели мира творчества: каждый из них реально или воображаемо пишет свою книгу со своим сюжетом. И вдобавок к этому, они же играют роли героев своих книг, играют беззаветно, без малейшего оттенка фальши.

Маша предлагает Тригорину свой сюжет в начале третьего действия, но продолжает его развивать и в четвёртом. Сорин лелеет свою идею о покорном примирении с неосуществлёнными желаниями на протяжении всей жизни. Последние слова Нины Заречной на сцене – из пьесы Треплева: она продолжает играть Мировую Душу, оставаясь при этом и героиней из «небольшого рассказа» Тригорина – убитой чайкой.

«5 пудов любви» переплетаются с «разговорами о литературе» столь тесно и незаметно, что разграничить эти две полусферы чеховской «Чайки» просто невозможно, да и не нужно.

И это очень тонко почувствовал Борис Акунин. В тексте классической «Чайки» он нашёл все явные и скрытые, реальные и литературные микросюжеты. Сведя внешнюю фабулу к детективной формуле расследования дела об убийстве, он заставляет чеховских героев доиграть до конца в придуманных ими же самими литературных сюжетах.

Аркадина в каждом дубле произносит один и тот же монолог: «Мой бедный, бедный мальчик. Я была слишком увлечена искусством и собой – да-да, собой. Это вечное проклятие актрисы...» и так далее. Этим она продолжает свой авторский спектакль, придуманный и сыгранный

когда-то для Тригорина. Есть, конечно же, здесь и пародия на знаменитый монолог Нины Заречной. И тот, и другой – визитные карточки соответствующих пьес.

Маша, убивая Треплева из ревности, доводит, если можно так выразиться, до логического завершения свой микросюжет о безответной любви. Подобные соответствия можно обнаружить в дискурсах почти всех героев обеих пьес.

Структура акунинской «Чайки» также весьма любопытна. Дубли второго действия автор расположил по градации, чтобы наиболее непредсказуемые сюжетные ходы открылись читателю позже всего. Медведев, Маша, Шамраев и Полина Андреевна в качестве убийц Треплева не очень интересны: у них вполне очевидные мотивы. А вот далее Акунин всё больше и больше пытается угодить наиболее искушённому читателю, раскрывая чеховские коды при помощи своих «ключиков»: объявления Треплева маньяком, Тригорина – гомосексуалистом, а Дорна, чей дубль триумфально завершает пьесу, членом «Общества защиты животных». Последние три дубля акунинской пьесы уже несколько выходят за рамки чистой комедии и напоминают пьесу абсурда. Если самоубийство Треплева было совершено от безысходности, то его убийство преисполнено смыслов, и смыслы эти рождаются прямо из текста Чехова.

Что же касается самого Антона Павловича Чехова, то он также выступает в пьесе Акунина как некий незримый литературный персонаж со своим сюжетом – пьесой «Чайка», которую Акунин, даже не переименовывая, награждает закрытым финалом, а точнее, восьмью – по количеству дублей – закрытыми финалами.

Получается интересный вывод: если только по детективной схеме чеховская пьеса может развиваться в восьми различных направлениях, то сколько же всего кодов скрыто в самой «Чайке», сколько же раз можно её переписывать, продолжать и переосмысливать, получая на выходе новый – и довольно интересный – результат.

«Я отомстил за тебя, бедная чайка!» – говорит в финале акунинской пьесы доктор Дорн. Может быть, сиквел «Чайки» – это и есть своего рода месть – изящная литературная месть Чехову за то, что никогда, возможно, не постигнем мы всей глубины этой пьесы. А следовательно, никогда не перестанем её постигать.

Литература:

1. Чехов А. «Чайка», Акунин Б. «Чайка». – М., 2002;
2. Зингерман Б. «Чайка» и рождение новой театральной системы // Театр Чехова и его мировое значение. – М., 2001;
3. Паперный З. Вопреки всем правилам: пьесы и водевили Чехова. – М., 1982.